

Артю́р Рембо́

1854 – 1891

Золотая серия поэзии

Артю́р Рембо

Пьяный корабль

Москва
2015

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5
Р37

Лучшие стихотворения прошлого
и настоящего — в «Золотой серии поэзии»

Перевод с французского

Составление *Е. Витковского*

Оформление серии *А. Новикова*

Дизайн переплета *А. Саукова*

В оформлении переплета использованы репродукции
плакатов художника Анри де Тулуз-Лотрека (1864—1901)
и фрагмента картины «Угол стола» (1872 г.)
художника Анри Фантен-Латура (1836—1904)

Рембо, Артюр.

Р37 Пьяный корабль : [стихотворения] : [перевод с французского] / Артюр Рембо. — Москва : Эксмо, 2015. — 224 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-77470-8

Артюр Рембо, гениально одаренный поэт, о котором Виктор Гюго сказал: «Это Шекспир-дитя». Его творчество — воплощение свободы и бунтарства, писал Рембо всего три года, а после ушел навсегда из искусства, но и за это время успел создать удивительные стихи, повлиявшие на литературу XX века.

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5

© Е. Витковский,
составление, перевод, 2015
© А. Триандафилиди,
перевод, 2015
© Ю. Лукач, перевод, 2015
© М. Яснов, перевод, 2015

ISBN 978-5-699-77470-8

© Б. Булаев, перевод, 2015
© А. Кротков, перевод, 2015
© Г. Кружков, перевод, 2015
© Я. Старцев, перевод, 2015
© Ю. Стефанов, перевод. Наследники, 2015
© В. Козовой, перевод. Наследники, 2015
© А. Ревич, перевод. Наследники, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Стихотворения

Звук чистый, золотой снаружи бьет и бьет...
В их комнату сквозняк пробился, и вразмет
Одежды траура легли вокруг кровати.
К ним ветер северный пришел, как гость,
некстати,
Уныние одно вдохнул он в этот дом.
Кого-то, кажется, недоставало в нем...

Неужто не придет родная мать к малюткам,
Не улыбнется им тепло, со взглядом чутким?
Забыла ли она вечер камин разжечь,
Золу разворошить, от холода сберечь,
Накрыв своих детей пушистым одеялом?
Неужто бросила в бездушьи небывалом
На произвол ветров, совсем не защитив
Их в спальне, чтоб туда не задувал порыв?
О, греза матери, как пух, она согреет,
В уютном гнездышке птенцов своих лелеет,
На ласковых руках качая малышей,
Что безмятежно спят, а сны — снегов белей!...
И вот — у них в гнезде нет ни тепла, ни пуха,
Лишь ветер января там завывает глухо.
Им холодно, не спят, и страх царит в душе...

III

Сироты малые — вы поняли уже.
Нет матери у них, отец в краях не этих,
Служанка старая заботится о детях.
Четырехлетние, в дому они одни,

И грезы пробудить стараются они
Воспоминаньями, что радужны и четки,
Как бы молитвенно перебирают четки.
Какое утро, ах! сулит подарки им!
А ночью были сны, и с трепетом каким
В них каждый увидал желанную игрушку,
Конфету в золоте, цветную побрякушку,
И шумным танцем всё кружилось в пестроте,
То появлялось вдруг, то гасло в темноте!
Проснувшись, радостно встают они с постели,
Глаза руками трут, во рту вкус карамели,
И волосы у них растрепаны со сна.
День праздничный настал; им комната тесна,
Как были босиком, к родительским покоем
Бегут они, а там как будто суждено им
Улыбки повстречать, там расцелуют их
И шалости простят в честь праздника сей миг.

IV

О, сколько прелести в словах их прежних
было!
Но изменилось всё, в дому теперь уныло,
А раньше в очаге большой огонь трещал,
Он комнату сполна и щедро освещал;
Алели отблески, пускаясь в танец ловкий
По старой мебели в блестящей лакировке...
И шкаф был без ключей!.. представьте,
без ключей!..

Смотрели в скважину глазенки малышей...
Как странно, без ключей! Они мечтали, веря
В таинственность того, что там за черной
дверью.

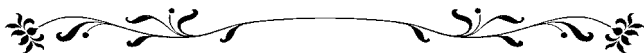
Казалось им, что там, за скважиной замка,
Неясный смутный шум летит издалека...
Но у родителей теперь в покоях пусто,
Нет алых отблесков, там тьма нависла густо.
И нет родителей, тепла нет в очаге,
Ни поцелуев нет, ни сладостей в фольге!
Печален первый день родившегося года,
В их голубых глазах посеяла невзгода
Задумчивость, печаль и слезы; хмурят бровь
И шепчут: «Ну, когда увидим маму вновь?»
.....

V

В дремоте у детей смежаются глаза,
Вам показалось бы, что там блестит слеза.
Распухли веки их, с тяжелым спят дыханьем.
Как детские сердца чувствительны

к страданиям!

Но ангел к ним пришел и вытер капли слез,
Вдохнул в тяжелый сон отраду ярких грез,
Веселые мечты, и кажется: улыбкой
Раскрылись их уста и задрожали зыбко.
Им снится, что они, на руку опершись
И голову подняв, глядят вперед и ввысь,
Вокруг себя глядят, и чудо зрят Господне:

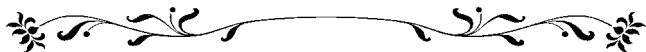
ОЩУЩЕНИЕ

В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росю.

Не буду говорить и думать ни о чем —
Пусть бесконечная любовь владеет мною —
И побреду, куда глаза глядят, путем
Природы — счастлив с ней, как с женщиной
земною.

Перевод Б. Лившица

СОЛНЦЕ И ПЛОТЬ

I

Светило с вышины, очаг тепла и света,
На землю нежность льет; лучами разогрета,
Невестою она созрела для любви,
И сладострастный жар горит в ее крови —
И, лежа на траве задумчивого лога,
Мы чувствуем: она взыскует ласки Бога;
В ней женская душа, в ней страсть заключена,
И глубина земли зародышей полна!
Все зреет, все растет!

— Венера, о Богиня!

О древних временах я сожалею ныне,
Когда мохнатый фавн, от страсти ошалев,
В безумии скакал и грыз кору дерев,
И нифму целовал сатир среди кувшинок!
Копытами топча сплетения тропинок,
Вмещающая целый мир, весельем обуян,
Со свитою своей ступал великий Пан!
И травы под стопой его козлиной млели,
Когда в сени лесной играл он на свирели

Великий гимн любви, и пело всё вокруг,
И откликался мир на этот чудный звук,
И отзывалась жизнь, и с ним стремилась

слиться:

И вековечный лес, в ветвях качая птицу,
И нежная Земля, и Океан седой,
И вечная любовь звучала в песне той!
О, как жалею я о временах Кибелы:
В квадриге золотой, красавицею зрелой
Богиня с высоты спускалась в мир людей,
Струился водопад из близнецов-грудей,
Всему даруя жизнь, божественным потоком,
И каждый Человек был счастлив этим соком;
Припав к сосцам ее, он, как младенец, пил.
— Он был силен и добр, и целомудрен был.

Увы! Прошла пора богов, и скисли души,
И человек твердит, закрыв глаза и уши:
«Теперь я знаю всё». Безбожник и бахвал,
Он стал Король и Бог, но Веру утерял.
О, если б он сосал твои сосцы, Кибела,
Астарты не забыл пленительное тело,
Что розовый пупок являла из волны,
Сияя красотой в мерцании луны,
И в аромате роз над гладью белопенной
Вставала, как цветок, владычицей Вселенной;
Под взором черных глаз из-под густых бровей
В сердцах любовь цвела, пел в роще соловей!

II

Я верую в тебя, морская Афродита!
Увы! Твоя краса давно от нас сокрыта
С тех пор, как Бог иной нас приковал к кресту;
Венера, мрамор твой боготворю и чту!
— Уродлив Человек и грустен без предела;
Невинность утерав, в одежды прячет тело;
Божественную грудь его покрыла грязь;
Как идол на костре, страдает, тяготясь
Оковами раба и узами обета!
И после смерти он в обличии скелета
Мечтает дальше жить, природу оскорбив!
— А Женщина, что нам несла любви порыв
И нежностью своей обожествляла глину;
Та, что могла увлечь несчастного Мужчину
К высотам за собой, чаруя и пьяня,
Чтоб он восстал из тьмы, обрел красоты дня,
Забыла навсегда умения гетеры!
— И вот, хохочет мир над именем Венеры,
Священным и благим — она ему смешна!

III

Вернитесь же назад, былые времена!
Окончен Человек! он отыграл все роли!
И близок, близок день, когда по вольной воле,
Свободный от Богов, окинёт взором он
Те небеса, где был он некогда рожден!
И ты узришь тогда, как пламя идеала